

ДВА ПРОЕКТА КРИТИКИ РАЗУМА:
И.КАНТ И Ф.НИЦШЕ
Т.Г. Румянцева, г. Минск, Беларусь

В своем выступлении на российской конференции «История философии: вызовы XXI века» академик В.С. Степин акцентировал роль и значение историко-философского знания при создании новых философских идей. Он, в частности, показал, что «при изложении любой новой философской идеи в систему аргументации всегда включаются ссылки на соответствующий историко-философский материал»[1, с.20]. Учитывая тематику данной конференции, ориентированной на осмысление научной рациональности как одной из высших ценностей культуры и тех вызовов, которые предъявляет ей современная эпоха, не лишним было бы обратиться к анализу тех проектов критики разума, из которых проистекают многие широко распространенных сегодня установок. Речь идёт о таких фигурах европейской мысли, как И.Кант и Ф.Ницше, которых, при всей их противоположности, объединяет то, что оба мыслителя провозгласили в своё время главным делом философии – *критику* разума.

Канта часто упоминают, прежде всего, как создателя критической философии и критического метода, творца оригинального эпистемологического проекта, направленного на тщательное изучение того, *что* мы можем знать и *как* мы можем знать путем изучения способа работы нашего разума. Свою критическую философию он с самого начала разрабатывал, противопоставляя её традиции спекулятивной метафизики, игнорировавшей необходимость анализа предпосылок и возможностей человеческого разума. Провозглашая свой метод критики разума и, полагая, что эта критика должна затрагивать всякое его притязание на познание и истину, т.к. «ничто не должно от неё ускользнуть», Кант, однако, ни в коей мере не подвергал сомнению возможность достижения самой этой истины. Речь шла о выявлении лишь необоснованных претензий разума и догматических предрассудков о его всесии. Об этом он и писал в Предисловии к 1-му изданию «Критики чистого разума», подчеркивая, что наш век «не намерен больше ограничиваться мнимым знанием и требует от разума, чтоб он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания – не путем приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика самого чистого разума*» [2, с. 11]. Исследуя диапазон познавательных сил разума, философ превратил его в трибунал, перед которым должно предстать всё существующее, в том числе и сам разум с порождаемыми им иллюзиями. Исследованию этих иллюзий и посвящена его трансцендентальная диалектика, в которой он выявил ложные притязания разума – *что и почему* он не может, хотя и хочет. Всячески критикуя этот разум, философ одновременно акцентировал его необходимую и конструктивную роль в научном познании, когда идеи разума выполняют важную регулятивную функцию, направляя познавательную и практическую деятельность человека и задавая ей нравственные императивы.

Принято полагать, что именно от Канта и ведет своё начало тот этос философского и научного познания, который вот уже на протяжении двух последних столетий был наиболее действенным и конструктивным. Имеется в виду идея о том, что философия должна быть критическим вопрошанием о настоящем, когда философ перестает покоряться действительности и творит новые ценности, утверждая законодательный характер своей науки.

Радикальным продолжателем критического дела Канта становится другой немецкий мыслитель – Ф. Ницше. Хотя, разумеется, для Ницше с его беспощадным радикализмом, Кант как критик кажется чрезвычай-

но непоследовательным. Ницше, в частности, полагал, что, притязая на тотальную критику, Кант на деле осуществляет лишь политику компромисса, не покушаясь ни на познание, ни на истину. Отвергая лишь злоупотребления и нарушения познания, он, по мысли Ницше, никак не подвергает сомнению рациональный характер этого познания.

В своей критике разума Ницше пошёл гораздо дальше; он отверг не только ложные истины, но и рациональное познание как таковое, понимая под последним всего лишь заблуждение и фальсификацию. Он полностью отверг рациональную трактовку истины в качестве главной цели познания, полагая, что это место принадлежит самой жизни с её страстями и влечениями. Широко известны его высказывания о том, что «в жизни есть лишь желания и их удовлетворения, а что между ними – истина или заблуждение – не имеет существенного значения». Значительно опережая по времени своих будущих последователей, согласно которым рациональность как ориентир в понимании мира и как способ проектирования человеческой деятельности потерпела полный крах, Ницше отрицает объективный характер истины и то, что она вообще выражает отношение самих вещей, что «нужно, поэтому только найти, открыть – она есть нечто, что нужно создать». Истинам, как вполне логичным, несущим на себе печать общезначимости, «затасканным, захватанным, химерам», сконструированным бездушным рассудком, он противопоставляет заблуждения, ибо только они способствуют сохранению и возрастанию жизни. Так, истина превращается в то же заблуждение, только неопровержимое («что удастся, то и истинно») [3, 171]. Так как реальность он трактует в качестве неупорядоченного потока становления, то все категории мышления – это не более чем антропоморфизирующие мир упрощения и предрассудки разума, от которых надо отказаться, противопоставляя им энергетику воли к власти. «Настало время заменить кантовский вопрос: «как возможны синтетические суждения а priori?» другим вопросом: «зачем *нужна* вера в такие суждения»? ... синтетические суждения а priori не должны бы быть вовсе «возможны»; мы не имеем на них никакого права; в наших устах это совершенно ложные суждения. Но, конечно, нужна вера в истинность, как вера в авансцену и иллюзия, входящая в состав перспективной оптики жизни» [4, с. 249].

Наряду с такого рода гносеологическим прагматизмом Ницше отдаёт приоритет в познании инстинктивно-бессознательному, непосредственно-интуитивному началу, считая, что разум не способен понять жизнь: «даже в самом мудром человеке он составляет исключение: хаос, необходимость, вихрь – вот правило». Не лгут только чувства, «мы сами вносим ложь в их свидетельства, приписывая явлениям единство, вещь-ственность, субстанцию, положительность и т.д.» Таким образом, Ниц-

ше подвергает сомнению принципиальную важность разума и рациональности в человеческой жизнедеятельности.

Упрекая Канта в том, что ему не доставало подлинной критики разума, Ницше полагал, что тому так и не удалось раскрыть инстанцию, которая должна проводить эту критику, ибо у Канта критика стала критикой разума со стороны самого разума, когда тот является одновременно и судьёй и подсудимым. По словам Ж. Делёза, «критической инстанцией (у Ницше – Т.Р.) не является ни «сложившийся» человек, ни какая-либо возвышенная форма человека, духа, разума или самосознания... Критическая инстанция есть воля к власти, а критическая точка зрения – точка зрения воли к власти... Цель критики: не цели человека или разума, но, в конечном счете, сверхчеловек, превзойденный, преодоленный человек» [5, с. 199].

Несмотря на все попытки радикального продолжения-преодоления в творчестве Ницше кантовской критики разума, именно эта, кантовская критика по-прежнему сохраняет сегодня непреходящее значение. В наши дни остаётся чрезвычайно актуальным кантовский призыв «иметь мужество пользоваться *собственным* разумом», когда главным способом существования философии по-прежнему остаётся критика, способная определить те условия, при которых применение разума становится законосообразным. И хотя сам философ рассуждал главным образом в гносеологической плоскости, его критическая установка на рациональное осмысление всего того, что дано нам как всеобщее и необходимое, а что как единичное и случайное, раскрывает возможность постоянно вопрошать о нашем бытии, включая в понимание рациональности и критическую рефлексию.

В этом смысле кантовскую критику разума стоит рассматривать как учение, остающееся и сегодня чрезвычайно важной составляющей современного философского знания. Один из доминирующих векторов последующего за Кантом осмысления рациональности и её новых типов, многое из того, что сегодня включается в понимание неклассической и даже постнеклассической рациональности, есть в какой-то мере осмысление и дальнейшее развитие идей классической философии, в том числе и кантовской критики разума.

Литература:

1. Степин В.С. Почему история философии важна для философии? / В.С. Степин // История философии: вызовы XXI века. М., 2014. – С. 19-34.
2. Кант И. Критика чистого разума. С-Петербург, 1983. – 472 с.
3. Румянцева Т.Г. Фридрих Ницше. Мн.: Книжный Дом, 2008. – 168 с.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Мысль, 1990. – С. 238-407.

5. Делёз Ж. Ницше и философия. Ad Marginem, 2003. – 380 с.